

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-5-11
УДК 81'28

Лексика с севернорусской диалектной базой в русском литературном языке

Людмила Александровна ДМИТРУК ✉

ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»
156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17
✉ lyudmila-dmitruk@mail.ru

Аннотация. Проанализирован ряд значимых проблем исторической лексикологии и диалектологии, связанных с процессом формирования русского литературного языка, а также с изучением характера его включённости в язык национальный. Прослежена связь кодифицированного языка с такими внелитературными элементами, как народные говоры, просторечие, жаргоны, определяется их историческая значимость для создания в XVIII–XIX веках языка новой формации, построенного на демократической основе. Севернорусские говоры, в том числе костромские, расценены как наиболее архаичный пласт языковых явлений, оказавших влияние на московское койне, на базе которого впоследствии сформировался литературный язык. В данном исследовании севернорусская диалектная лексика и уже, костромская, рассматривается как источник формирования словарного фонда литературного языка, а художественные, публицистические и научные работы писателей и краеведов конца XVIII – XX веков (А.О. Аблесимова, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, С.В. Максимова, И.М. Касаткина, Е.В. Честнякова, Н.Н. Виноградова, В.И. Смирнова, А.В. Громова и др.), связанных с костромским краем, как один из каналов «миграции» регионального слова в литературный язык, что во многом способствовало его адаптации и закреплению в нормированном языке, развитию обширных лексико-семантических связей и отношений.

Ключевые слова: русский литературный язык; народные говоры; севернорусское наречие; костромские говоры; диалектизм; лексика

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края».

Для цитирования: Дмитрук Л.А. Лексика с севернорусской диалектной базой в русском литературном языке // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 5-11. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-5-11

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Vocabulary with the Northern Russian dialect base in the Russian literary language

Lyudmila A. DMITRUK ✉

Kostroma State University
17 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russian Federation
✉ lyudmila-dmitruk@mail.ru

Abstract. We analyze a number of significant issues of historical lexicology and dialectology related to the development of the Russian literary language, as well as to the study of the nature of its inclusion in the national language. We trace the connection of the codified language with such

extra-literary elements as folk patois, vernacular, jargons, we determine their historical significance for the creation in the 18th–19th centuries of a new formation language, built on a democratic basis. Northern Russian patois, including Kostroma, are regarded as the most archaic layer of linguistic phenomena that influenced the Moscow Koine, on the basis of which the literary language was later formed. In this study, the North Russian dialect vocabulary and narrower, Kostroma, is considered as a source of the formation of the vocabulary fund of the literary language, and the artistic, journalistic and scientific works of Kostroma writers and local historians of the late 19th – 20th centuries (A.O. Ablesimov, N.A. Nekrasov, A.N. Ostrovsky, S.V. Maksimov, I.M. Kasatkin, E.V. Chestnyakov, N.N. Vinogradov, V.I. Smirnov, A.V. Gromov, etc.), related to the Kostroma region, as one of the channels of the “migration” of a regional word into the literary language, which largely contributed to its adaptation and consolidation in a standardized language, the development of extensive lexical and semantic connections and relationships.

Keywords: Russian literary language; folk patois; Northern Russian dialects; Kostroma patois; dialecticism; vocabulary

Acknowledgements: Article is prepared with financial support of Russian Foundation for Basic Research. Project no. 18-012-00809 A “Dialectic study of vocabulary and onomastics of the Kostroma Territory”.

For citation: Dmitruk L.A. Leksika s severnorusskoy dialektnoy bazoy v russkom literaturnom yazyke [Vocabulary with the Northern Russian dialect base in the Russian literary language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 5-11. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-5-11 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Изучение истории становления и развития русского литературного языка тесно связано с историей диалектологических исследований. Работы А.С. Будиловича [1], В.В. Виноградова [2], Ф.П. Сороколетова [3], Н.И. Толстого [4], С.М. Толстой [5] и других освещают ряд вопросов, связанных с проблемой сложных взаимоотношений внутри триады: национальный язык – литературный язык – народные говоры. Как известно, диалектная карта России представлена тремя крупными объединениями говоров – севернорусское и южнорусское наречия, а также среднерусские переходные говоры. Причём наиболее древними из них являются севернорусские диалекты раннего формирования, которые локализуются в северной части Европейской России, срединной части старых славянских поселений, периферийном ареале Славии, зоне языковой архаики [4]. На необходимость детального изучения языковых особенностей данного региона указывает С.М. Толстая: «...территория Русского Севера, будучи периферией периферии, имеет исключительное значение для истории всего славянского мира и истории праславянского языка. Общеславянское значение севернорусских говоров следует уже из того, что ос-

новные признаки, по которым эти говоры противопоставляются другим диалектным группам *русского* языка, одновременно являются показателями, объединяющими их с другими языками славянского мира, иначе говоря, это признаки, типологически релевантные для классификации *славянских* языков» [5, с. 53]. Не менее значимой видится роль севернорусских территорий, к которым принадлежит в том числе и обширная историко-культурная зона – Ярославско-Костромское Поволжье, в становлении русского национального и уже, литературного, языков.

Комплекс языковых черт-маркёров севернорусского наречия оказал значительное влияние на московское койне, наддиалектную по своей сути форму существования языка, возникшую под влиянием северных и южных диалектных стихий, впитавшую их основные фонетические (южнорусский вокализм и северорусский консонантизм), грамматические, лексические черты, впоследствии ставшие образцовыми, нормированными. В конце XVIII – начале XIX века именно они легли в основу складывающегося русского литературного языка. В это время происходит чрезвычайно важный для истории нашего национального языка процесс преобразо-

вания народного языка в национальный, но построенный на демократической основе. В литературный язык открывается доступ жаргонам, городскому просторечию, этнографической, фольклорной, региональной лексике. И.И. Срезневский, отмечая данную тенденцию, наметившуюся в русской литературе XVII–XVIII веков, писал: «...вкус народный проникал всё более в литературу, так же как по частным долям медленно и, однако, всё более проникал в книги язык народный. Усиление народности языка и слога, вкуса и понятий было в литературе нашей одновременно. И как ни далеки друг от друга кажутся вопрос о развитии литературы и вопрос о развитии языка, тут они сходятся в один нераздельный» [6, с. 94–95]. «Проводником» диалектной лексики в литературный язык часто служит художественная литература. Региональная лексика, искусно вплетённая мастерами слова в канву художественного текста, выходит за пределы ареала своего бытования, начинает частотно и повсеместно употребляться носителями языка, с течением времени становится общеупотребительной, обретает своё особое место в стилистической иерархии литературного языка. Данные языковые единицы включаются авторами в речевую ткань их произведений отнюдь не случайно, не хаотично: народные слова и выражения в ситуации языковой недостаточности замещают лакуны (именуют факты реальной действительности, не имеющие нейтральных лексем-аналогов), наполняют синонимические ряды экспрессивными членами, обогащая и уточняя словарный запас литературного языка, совершенствуя его в количественном и качественном отношениях. Не стали исключением и писатели, чья жизнь и творческий путь связаны с костромским краем, севернорусской речевой традицией: мы встречаем диалектизмы у А.О. Аблесимова, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, С.В. Максимова, И.М. Касаткина, Е.В. Честнякова, А.В. Громова и др. Региональная лексика вошла в литературный язык и закрепились в нём отчасти благодаря и их произведениям, колоритно и полно отражающим народную жизнь, живой разговорный язык представителей различных социальных групп России конца XVII – первой половины XIX века: от крестьянства до купечества и

мелкопоместного дворянства. Данный факт позволяет достаточно точно осветить, проанализировать в синхронии и диахронии на фоне исторических и диалектных словарей русского языка сложный процесс семантико-стилистической перегруппировки лексики, происходивший в национальном языке с конца XVIII века до наших дней, то есть объёмно охватить весь период становления и функционирования русского литературного языка.

Рассмотрим в качестве примера лексические единицы, вошедшие в литературный язык, но до сих пор функционирующие в севернорусских говорах, в том числе костромских.

Слово *лётник*, по данным И.И. Срезневского, фиксируется уже в памятниках письменности XVI–XVII веков с семантикой ‘лёгкая женская одежда, надевавшаяся на рубашку под верхнее платье’ [7, т. 2, с. 80]. Однако, как кажется, данное слово уже и на начальных этапах формирования национального литературного языка могло иметь несколько лексико-семантических вариантов в народной речи, поскольку в СРЯ XVIII, описывающем русский язык начиная с 90-х гг. XVII века, это слово отмечено уже как многозначное. Первое значение приводится со ссылкой на академические словари XVIII века – ‘летняя женская одежда’ – без помет, что может свидетельствовать о нейтральном восприятии слова носителями языка¹. В речевом узусе XVIII века данная лексема бытовала ещё с двумя значениями, при которых в словаре также не указаны какие-либо ограничительные пометы: ‘летняя дорога’ и ‘животное, родившееся прошлым летом’². Иллюстрации из художественной и публицистической литературы, а также личной переписки, приведённые в словарной статье и данные ко всем трём значениям, свидетельствуют о включении многозначной лексемы в речевой обиход XVIII столетия в качестве нейтрального общеупотребительного слова.

В словаре В.И. Даля, отражающем быт речевого употребления XIX века, слово *летник* представлено как полисемант, распространённый повсеместно (у ряда значе-

¹ СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. СПб.: Наука, 1984–2019. Вып. 11. С. 161.

² Там же.

ний отсутствуют пометы) либо локализующийся преимущественно в среднерусских говорах: *летни'к* и *ле'тошник* – ‘годовалое животное’, иногда ‘годовалый овощ, полевой продукт’ с географическими пометами *пск.* <овское> и *твер.* <ское>; *ле'тник* – ‘летний, южный ветер’; ‘летняя лёгкая одежда, холщовый кафтан, балахон, холщевик, полотняник’; ‘женская верхняя лёгкая одежда, с длинными, широкими рукавами, иначе нака'пки’ с пометой *стар.* <инное>; *летники* – ‘грибы в летнюю пору, когда их уже много’ с пометой *твер.* <тверское>; *летник* – ‘летний путь, поездка и летняя дорога вообще, на колёсах, не на полозу; летний проезд, дорога околицей, по материку’ противоположное слову *зимник*; ‘летнее кочевье инородцев, летови'ще’ [8, т. 2, с. 211]. Как видим, в XVIII–XIX веках слово *летник* являлось достоянием литературного языка, воспринималось носителями языка как многозначное, активно употреблялось в речи и имело статус нейтральной общеупотребительной лексемы. По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), пик частотности функционирования этого слова в письменных источниках приходится на середину XIX столетия³, встречаем его и у А.Н. Островского с семантикой ‘летняя женская одежда’ и в авторских ремарках, и в речи персонажей, например: «Входит Марья Власьевна с летником и подаёт с поклоном»; «Да у тебя и летник – все швы бархат На золоте. Тафтяная рубашка С запястьями» [9]. Частотный словарь указывает на четырёхкратное употребление лексемы *летник* именно во втором периоде творчества драматурга (1860–1875 годы) [10, с. 575]. Однако и тогда, в середине – второй половине XIX века, слово *летник* во всём многообразии своих смысловых связей и стилистических коннотаций было представлено в основном в говорах.

В словарях современного русского литературного языка слово *летник* зафиксировано со следующими значениями: ‘однолетние декоративные садовые растения (ноготки, настурция и др.)’ с пометой *сад.* <овое>; ‘старинная летняя женская одежда с длинными широкими рукавами’ зафиксировано

без помет; ‘дорога, которой пользуются только летом’ и ‘помещение без печи для летнего жилья’ с пометами *нар.-разг.* или *обл.*, указывающими на локальный характер лексемы с данной семантикой [11, т. 2, с. 78–179; 12, с. 494]. Как видно из указанных в словарях литературного языка значений, слово и сейчас принадлежит в большей мере стихии разговорного языка, в нормированном же языке его функционирование значительно ограничено: употребляется либо как термин, либо как историзм, хотя помета, указывающая на принадлежность лексемы к пассивному словарному запасу, отсутствует. Однако, бесспорно, слово на современном синхронном срезе фактически вновь переместилось на периферию национального языка. В говорах оно имеет гораздо более обширную семантическую структуру (в СРНГ зафиксировано с девятнадцатью значениями, лишь некоторые из которых дублируют сведения словарей литературного языка), а также более активные лексические связи (в СРНГ представлена омонимия), что, безусловно, является следствием постоянных семантико-стилистических перегруппировок внутри национального словарного фонда. СРНГ отражает бытование слова во всём многообразии его значений фактически повсеместно, но бо́льшая концентрация употреблений приходится на территорию распространения севернорусских и среднерусских говоров⁴. Данный факт подтверждается и региональными словарями, например, в «Словаре говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовской, отражающем традиции разговорной речи такого особого диалектного и этнокультурного образования, как Костромской акающий остров, который, генетически тяготея к говорам центра, показывает достаточно яркие признаки севернорусского влияния, слово *летник* приводится со следующими значениями: ‘ягнёнок или телёнок, родившийся летом’ с географической пометой *Буйск.* <ий район>, ‘летняя дорога в лесу’ *Чухл.* <омской район>, ‘холодное, неотапливаемое помещение в доме, где спали летом’ *Чухл.* <омской район>, ‘лёгкая летняя верх-

³ НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 16.09.2020).

⁴ СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–50. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2018. Вып. 17. С. 18–19.

няя одежда, пиджак' Буйск.<ий район> [13, с. 192]. Однако в кратком Костромском областном словаре находим у слова *летник* бо́льший семантический потенциал, здесь оно зафиксировано с восьмью значениями и распространено в ареалах, имеющих исконные севернорусские черты: 'южный ветер'; 'летнее неотапливаемое жилое помещение или кухня'; 'овечья шерсть летней или осенней стрижки'; 'телёнок, ягнёнок, жеребёнок по первому году'; 'летняя дорога для вывозки леса с места разработки'; 'летняя одежда, сарафан'; 'холодный погреб без использования льда'; 'окрошка' [14, с. 112]. Примечательно, что среди перечисленных значений есть и такие, которые не встречаются в других говорах, не отмечены в СРНГ, например, 'окрошка': «Идите есть, я летник с квасом сделала» Павин.<ский район> [14, с. 112]. В настоящее время лексема *летник* особенно активно употребляется в речи диалектоносителей, проживающих на территории распространения севернорусских и отчасти среднерусских говоров. В литературном же языке, кроме узкоспециального применения, происходит всё более заметное перемещение лексемы в сторону пассивного употребления, а также периферии национального языка.

Слово *луговина* в словаре древнерусского языка И.И. Срезневского не отмечено, хотя производящая лексема *луг* указывается там с несколькими значениями. В СРЯ XVIII слово *луговина* зафиксировано как однозначное с семантикой 'часть луга; лужайка', сопровождается специальным обозначением, свидетельствующим о том, что в описываемый словарём период слово только начало входить в речевой обиход, расценивалось носителями языка как новация: «Лѣтом всѣ пасутся в общем стадѣ, сперва около лѣсов, а послѣ жатвы по жнивам и луговинам. Рдшв Влад. 128»⁵. В словаре В.И. Даля находим более подробное описание значения данной лексемы: 'небольшой луг, луговая площадка; пролесок, прогалина', а также 'непашь, целина, новина, задернелая земля' [8, т. 2, с. 229]. Указанные значения приводятся в словаре без каких-либо ограничительных помет, что может говорить об общепотребительном характере бытования слова

в середине XIX столетия, его повсеместном распространении. Это подтверждается и данными НКРЯ: пик частотности обращения к лексеме в письменных источниках приходится на 1830 год, достаточно часто это слово используется с 1854 по 1875 г., а далее в первой половине (1926 год) и середине XX века (1954–1955 годы). В МАС, однако, однозначное слово *луговина* отмечено с пометой *разг.<оворное>* и значением 'небольшой луг, луг среди других угодий (лесных, пастбищных)' [11, т. 2, с. 203], то есть, начиная с прошлого столетия, слово характеризует в большей степени сферу разговорного речевого узуса, а не письменной формы литературного языка. В народных говорах лексема *луговина* является полисемантом, обладает более разнообразными синтагматическими и деривационными (в СРНГ приводятся однокоренные лексемы *луговинка*, *луговинушка*, *луговица*, *луговище*) связями, чем в кодифицированном языке. В первом значении 'луг; часть луга', судя по географическим пометам в СРНГ, слово широко представлено в среднерусских, а также севернорусских говорах, в частности костромских, с оттенком значения 'заливной луг' – «С утра до вечера плавают он (рыбак) по залитым луговинам» – с пометами *Галич. Костром.* и ссылкой на «Труды костромского научного общества»⁶. Другие значения этого слова имеют более повсеместный характер бытования: 'низкое болотистое место; заболоченный луг' *Калин.*; 'земля, покрытая дёрном; целина' *Рыб. Ярослав.* и оттенком значения 'дёрн' *Нижегор.*; 'участок пашни, отведённый под траву; луг среди пашни' *Пек., Смол., Копаневич. Твер., Калин.*; 'поляна, лужайка в лесу' *Енис., Мезен. Арх.*; 'луговое сено, луговая трава' *Рыб. Ярослав., Ярослав., Киров.*⁷. В костромских говорах слово функционирует активно, в словаре Н.С. Ганцовой находим у него пять значений: 'поле, засеянное травой' *Чухл.<омской район>*; 'залежь, необработанная земля' *Чухл.<омской район>*; 'полоса луга перед полем с растущей на ней травой' *Буйск.<ий район>*, *Чухл.<омской район>*; 'заливной луг' *Буйск.<ий район>*; 'поляна в лесу' *Га-*

⁵ СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. СПб.: Наука, 1984–2019. Вып. 11. С. 237.

⁶ СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–50. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2018. Вып. 17. С. 175.

⁷ Там же.

лич.<ский район> [13, с. 198]. Данное слово зафиксировано и в словаре А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже», где оно характеризует авторский идиостиль, встречается в приложении в комментирующей части словарной статьи к лексеме *замшареть*: «Замшареть – зарастить мхом (о луговине)» [15, с. 99]. Развитая система значений у слова *луговина* в костромских говорах, в большей степени относящихся к севернорусской диалектной стихии, говорит о длительности функционирования лексемы на данной территории и, возможно, о влиянии сложившихся местных особенностей её употребления на общерусскую традицию.

Таким образом, литературный язык, являющийся стандартизированной формой на-

ционального русского языка, представляет собой целостную, сформировавшуюся коммуникативную систему, которая, однако, в ситуации языкового дефицита до сих пор, как и несколько веков назад, в эпоху начала своего сложения, продолжает подпитываться выразительными средствами – словами, устойчивыми оборотами, синтаксическими конструкциями, – функционирующими на периферии национальной лингвистической системы в диалектах, просторечии, жаргонах. Особая роль в этом постоянном процессе языковой перегруппировки по сей день принадлежит территориальным говорам (в особенности севернорусским), наиболее архаичной и естественной форме национального языка.

Список литературы

1. Будилович А.С. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т. 2: Зарождение общего языка на славянском Востоке. Варшава: Изд. и изданием С.-Петерб. слав. благотворит. о-ва, 1892. 375 с.
2. Виноградов В.В. О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией // История русского литературного языка. Избранные труды. М.: Наука, 1978. С. 206-215.
3. Сороколетов Ф.П. Лексико-семантическая система и словарь национального языка // Сороколетов Ф.П. Избранные труды / сост. О.Д. Кузнецова, Е.Ф. Сороколетова; отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: Наука, 2011. С. 201-222.
4. Толстой Н.И. О соотношении центральных и маргинальных ареалов в современной Славии // Толстой Н.И. Избранные труды. Т. 3. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 10-30.
5. Толстая С.М. Говоры Русского Севера на общеславянском фоне // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6. С. 53-59.
6. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887. 164 с.
7. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893–1912.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
9. Островский А.Н. Воевода (Сон на Волге) // Островский А.Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / под общ. ред. Г.И. Владыкина, А.И. Ревякина, В.А. Филиппова. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959.
10. Частотный словарь языка А.Н. Островского / под ред. Н.С. Ганцовской // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 530-654.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988.
12. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
13. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Москва: Кн. клуб Книгобек, 2015. 512 с.
14. Ганцовская Н.С. Костромские говоры: в 2 т. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. Т. 1. 195 с.
15. Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Кострома: Инфопресс, 2012. 118 с.

References

1. Budilovich A.S. *Obshchieslavjanskij yazyk v ryadu drugikh obshchikh yazykov drevney i novoy Evropy. T. 2: Zarozhdeniye obshchego yazyka na slavyanskom Vostoke* [Common Slavic Language among other

- Common Languages of Ancient and Modern Europe. Vol. 2: The Origin of a Common Language in the Slavic East]. Warsaw, Published by the Dependence of the St. Petersburg Slavic Charitable Society, 1892, 375 p. (In Russian).
2. Vinogradov V.V. O svyazyakh istorii russkogo literaturnogo yazyka s istoricheskoy dialektologiyey [On the links between the history of the Russian literary language and historical dialectology]. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Izbrannyye trudy* [History of the Russian Literary Language. Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 206-215. (In Russian).
 3. Sorokoletov F.P. Leksiko-semanticeskaya sistema i slovar' natsional'nogo yazyka [Lexico-semantic system and dictionary of the national language]. In: Sorokoletov F.P. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 201-222. (In Russian).
 4. Tolstoy N.I. O sootnoshenii tsentral'nykh i marginal'nykh arealov v sovremennoy Slavii [On the ratio of central and marginal areas in modern Slavia]. In: Tolstoy N.I. *Izbrannyye trudy. T. 3. Ocherki po slavyanskoy yazykoznaniiyu* [Selected Works. Vol. 3. Essays on Slavic Linguistics]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 1999, pp. 10-30. (In Russian).
 5. Tolstaya S.M. Govory Russkogo Severa na obshch斯拉vianskom fone [Northern Russian dialects against the common Slavic background]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2018, no. 6, pp. 53-59. (In Russian).
 6. Sreznevskiy I.I. *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts on the History of the Russian Language]. St. Petersburg, Printing House of V.S. Balashev, 1887, 164 p. (In Russian).
 7. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka: v 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language: in 3 vols.]. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1893–1912. (In Russian).
 8. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, OLMA-PRESS, 2003. (In Russian).
 9. Ostrovskiy A.N. Voyevoda (Son na Volge) [Voivode (Dream on the Volga)]. In: Ostrovskiy A.N. *Sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 4* [Collected Works: in 10 vols. Vol. 4]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1959. (In Russian).
 10. Gantsovskaya N.S. (ed.). *Chastotnyy slovar' yazyka A.N. Ostrovskogo* [Frequency dictionary of the language of A.N. Ostrovsky]. A.N. Ostrovskiy. *Entsiklopediya* [A.N. Ostrovsky. Encyclopaedia]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., Shuya, Shuya State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 530-654. (In Russian).
 11. Evgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1985–1988. (In Russian).
 12. Kuznetsov S.A. (compiler and ed.-in-chief). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000, 1536 p. (In Russian).
 13. Gantsovskaya N.S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'ye Kostromy i Unzhi* [Dictionary of Dialects of the Kostroma Trans-Volga Region: the Interfluvium of Kostroma and Unzha]. Kostroma, KSU named after N.A. Nekrasov Publ., Moscow, Knigovok Book Club Publ., 2015, 512 p. (In Russian).
 14. Gantsovskaya N.S. *Kostromskiy govory: v 2 t.* [Kostroma dialects: in 2 vols.]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2018, vol. 1, 195 p. (In Russian).
 15. Gromov A.V. *Slovar'. Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskikh govorakh po reke Unzhe* [Dictionary. Vocabulary of Flax Growing, Spinning and Weaving in Kostroma Dialects on the Unzha River]. Kostrom, Infopress Publ., 2012, 118 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дмитрук Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности. Костромской государственной университет, г. Кострома, Российская Федерация. E-mail: lyudmila-dmitruk@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, сбор данных, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 23.10.2020 г.
Поступила после рецензирования 19.11.2020 г.
Принята к публикации 27.11.2020 г.

Information about the author

Lyudmila A. Dmitruk, Candidate of Philology, Associate Professor of Pedagogy and Individual Acmeology Department. Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation. E-mail: lyudmila-dmitruk@mail.ru

Contribution: main study conception, data acquisition, manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0002-1293-1385

Received 23 October 2020
Reviewed 19 November 2020
Accepted for press 27 November 2020